

Привыкший к высокомерию и упрямству император, казалось, совсем не умел вот так прямо обсуждать свои симпатии. Точнее говоря, он вообще не привык разбрасываться словом «нравиться» при оценке людей. Но этот внезапный вопрос Кевина застал его врасплох: он не знал, как возразить, и не находил более подходящего слова взамен.

Поэтому он просто отмахнулся от этого слова, мысленно заменив его другим, и ответил:

— Да нет особых причин. Разве обязательно нужны причины, чтобы кто-то тебе нравился или не нравился? Всё, что я знаю о Фаэ, я почерпнул из Канона Богов. Строго говоря, в подобные книги со временем вносятся слишком много изменений. Скорее всего, то, что я видел, далеко от истинного облика Фаэ, или же это лишь одна из его граней. Но по крайней мере...

Он ненадолго замолчал и поднял глаза, оглядывая панораму имперской столицы Сент-Антис:

— Когда я был совсем маленьким и читал истории о Фаэ, я верил, что в один прекрасный день стану достаточно сильным и всемогущим. И мне хочется, чтобы божество, способное вселять в людей такую отвагу, существовало как можно дольше.

Кевин слушал его в полном изумлении и под конец не удержался от смешка:

— И зачем ему жить дольше? Чтобы наплодить побольше таких же храбрецов, как ты, которые безрассудно лезут на рожон и только и делают, что ищут на свою голову неприятностей?

Освальд недовольно покосился на него:

— Для этого нужно сначала встретить такого, как ты. Без тебя этот скрытый потенциал нарываться на неприятности обычно не раскрывается. К тому же я не говорил, что хочу его долгой жизни в облике Бога Света. Согласно тому, что написано в продолжении Канона Богов, после смерти божества может начаться его новое рождение. Боги могут стать самыми обычными людьми в этом мире, а могут выбрать вечный сон и больше никогда не открывать глаз. Мне хотелось бы, чтобы он выбрал первый путь. Чтобы в облике простого человека он смог прочувствовать этот мир, который они когда-то создали... Хм, что это у тебя за взгляд?

Кевин наконец не выдержал и рассмеялся. Похлопав Освальда по плечу, он сказал:

— Ты вечно ходишь с таким лицом, будто тебе все кругом задолжали целую казну, а сам, оказывается, тот еще романтик.

— У тебя язык чешется, если ты хоть день меня не подколешь? — молодой император смерил его надменным взглядом сверху вниз.

— Ты вообще слушал, что говорил Дорн? Он упомянул, что в видении жреца Могли у ног человека, похожего на Фаэ, лежали бесчисленные трупы, — произнес Кевин. — Ты тут рассуждаешь о высоких материях, но не боишься ли, что настоящий Фаэ в итоге окажется совсем не тем, кем ты его представлял, и разрушит все твои иллюзии?

Освальд слегка нахмурился.

Из слов Дорна его больше всего зацепило именно это: горы трупов у ног Фаэ, пятна крови на его одежде и то, что его появление тесно связано с судьбой Королевства Золотого Льва... Обычная логика подсказывала, что это скрытый намек: вернувшийся в мир Фаэ, возможно, вовсе не так чист, свят и милосерден, как его рисует воображение людей.

— ...Я не очень в это верю, — медленно и спокойно произнес Освальд. — Даже если это видение правдиво, я уверен, что здесь кроется какая-то тайна.

Кевин приподнял бровь, но промолчал. По его лицу было видно, что он о чем-то размышляет.

Спутя мгновение он вдруг с привычной беззаботностью спросил:

— Эй, а что если сам Фаэ или его перерождение окажется точно таким же, как я? Что тогда будешь делать?

Кевин ничуть не заботился о том, что перед ним стоит всемогущий император: он запросто закинул руку ему на плечо, слегка приобняв, и с лукавой улыбкой прищурил свои ясные глаза, предвкушая забавный ответ.

От столь внезапного сближения Освальд на секунду растерялся. Его взгляд невольно скользнул по бездонным черным глазам Кевина, но он тут же отвернулся и с каменным лицом усмехнулся, глядя вдаль:

— Ха, тогда мне проще сразу убиться.

Кевин фыркнул, убрал руку и выпрямился.

Он лениво облокотился на железные перила и принялся разглядывать раскинувшиеся внизу темные крыши города, теснящиеся друг к другу на разной высоте. Его взгляд уходил к самому горизонту, в недостижимую даль, а черные зрачки казались чистыми и прозрачными, словно покрытыми тонким слоем стекла.

На его лице застыла полуулыбка, и он загадочно произнес:

— Хорошо, когда есть кто-то, способный подарить отвагу. И чем больше таких людей, тем лучше.

Эта бессвязная фраза озадачила Освальда. Он взглянул на Кевина, собираясь расспросить его подробнее, но тот с размаху хлопнул его по плечу:

— Какое еще любование пейзажами, когда на кону такие дела? Пошли обратно, зови своих министров и командиров на совет!

Рука у этого парня на вид была бледной и тонкой — вылитый книжный червь, но силища в ней таилась нечеловеческая. От такого хлопка можно было ненароком выплюнуть легкие.

Хоть Освальд и не расстался с душой, его внутренности знатно встряхнуло. Он гневно зыркнул на этого негодяя и огрызнулся:

— И кто тебе сказал, что я просто люблюсь видами?!

Договорив, он, пользуясь тем, что Кевин отвлекся, резко подхватил его и перебросил через широкую спину гиппогрифа. Вечно дерзкий и бесцеремонный господин Кевин Фассбиндер, словно мешок с овсом, повис поперек седла перед Освальдом, и во время стремительного полета гиппогрифа его едва не вывернуло наизнанку от тряски.

Квиты.

Тем же вечером Освальд созвал высших сановников и командующих штабами всех легионов на

совет круглого стола из двенадцати человек.

Он изложил им то, что удалось расшифровать жрецу. Когда прозвучало, что в Старом замке Роз обнаружены следы присутствия Фаэ, все присутствующие за круглым столом, за исключением самого императора и знавшего обо всем заранее Кевина, едва не падали в обморок от изумления.

А когда они услышали, что явление Бога Света напрямую связано с выживанием государства, большая часть советников и вовсе не смогла усидеть на месте.

Собравшиеся спорили над огромной картой континента всю ночь напролет. Флажки, обозначавшие дислокацию войск, беспрестанно перемещались с места на место. Мнения министров и военачальников расходились: консерваторы никак не могли прийти к согласию с радикалами, а те, кто свято верил в богов, спорили с теми, кто считал их лишь частью истории.

Едва ли не десять человек из двенадцати спорили до хрипоты, брызжа слюной.

Меньше всех говорили двое: принимавший решения император и Кевин.

Кевин оставил свои привычные шуточки. Сцепив пальцы в замок и положив руки на стол, он молча выслушивал самые разные точки зрения и за всё время едва ли вставил пару слов.

В этом деле он был слишком пристрастен, так что обсуждать ему было особо нечего.

В конце концов, когда уже начало рассветать, Освальд принял окончательное решение, и флажки на карте замерли:

Армия железной кавалерии Уцзинь оставалась на месте и вместе с патрульной кавалерией столицы должна была охранять главную ставку. Десять отрядов Армии Красного Железа, как и прежде, размещались в районе реки Кла, бдительно охраняя границу между Королевством Золотого Льва и Страной Северного Нефрита. Двенадцать отрядов Бронзовой армии, дислоцированные на западе, также оставались на своих позициях, удерживая рубеж у пустыни песчаных призраков.

Все остальные силы перегруппировывались: из них формировались два отряда, которые под видом торговых караванов должны были в обход Моря Миражей направиться к Старому замку Роз. Оставшиеся резервы стягивались к городу Дада, откуда вели прямые дороги как назад в столицу, так и к реке Кла и к западной пустыне.

Не решенным оставался лишь вопрос о том, кто возглавит идущие к Старому замку Роз «караваны». Тот путь можно было назвать безопасным — это был оживленный торговый тракт, пролежавший в стороне от Призрачной пустыни, где обитали песчаные призраки. Там было легко замаскироваться, да и риск внезапного нападения оставался минимальным. Но в то же время место таило в себе огромную угрозу, ведь рядом находилось Море Миражей...

Поскольку обсуждение затянулось до утра, Освальд велел подать завтрак прямо в зал совещаний. Изнуренные бессонной ночью люди наконец смогли немного перевести дух, дать отдых уставшему разуму и пересохшему горлу.

Едва Освальд успел сделать глоток мятного чая, как Кевин похлопал его по плечу и кивком головы позвал за собой на выход.

— Что такое? — спросил Освальд на ходу. — На завтрак снова подали то, что тебе не по вкусу?

— Звездчатую рыбу я и правда терпеть не могу, но при чем тут это? — раздраженно фыркнул Кевин.

— Кто тебя знает. Вдруг грозному главнокомандующему Бронзовой армии стыдно демонстрировать свою разборчивость в еде при всех? И ты решил с глазу на глаз попросить меня стащить эту гадость из твоей тарелки? — Освальд не упустил случая съязвить и добавил поучительным тоном: — Эта штука полезна для таких, как ты, кто вечно теряет кровь. Так что ешь через силу.

<http://bllate.org/book/18285/1753231>